

**Сергей Николаевич Сергеев-
Ценский**

**Севастопольская страда (Часть
3)**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Севастопольская страда (Часть 3) / Сергей Николаевич Сергеев-Ценский – М.:
Книга по Требованию, 2011. – 436 с.

ISBN 978-5-4241-1763-3

Роман-эпопея "Севастопольская страда" русского советского писателя С.Н. Сергеева-Ценского (1875-1958) посвящен героической обороне города во время Крымской войны 1853-1856 гг.

ISBN 978-5-4241-1763-3

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Сергеев-Ценский Сергей
Севастопольская страда (Часть
3)

Сергей Николаевич СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ
СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ СТРАДА

Эпопея

Части VII - IX

Эпилог

СОДЕРЖАНИЕ:

Часть седьмая

Глава первая. Два праздника. (I II III IV V) Глава вторая. В стане интервентов. (I II III IV) Глава третья. Ночь на кладбище. (I II III IV V VI VII VIII) Глава четвертая. Разгром Керчи. (I II III IV V VI VII) Глава пятая. Витя и Варя. (I II III IV V) Глава шестая. "Три отрока" (I II III IV V VI VII VIII) Глава седьмая. Пирогов уезжает. (I II III IV) Глава восьмая. Штурм Севастополя. (I II III IV V VI VII VIII IX X)

Часть восьмая

Глава первая. Верноподданные без владыки. (I II III IV) Глава вторая. Голубые мундиры. (I II III IV) Глава третья. После штурма. (I II III) Глава четвертая. Свадьба. (I II III IV) Глава пятая. Нахимов. (I II III IV V VI) Глава шестая. У интервентов и у нас. (I II III) Глава седьмая. Бастионы в июле. (I II III IV V VI) Глава восьмая. Совещание "Больших эполет". (I II III IV V VI)

Часть девятая

Глава первая. Дни перед боем. (I II III) Глава вторая. Бой на Черной речке. (I II III IV V VI VII VIII IX) Глава третья. Пятая бомбардировка. (I II III IV V) Глава четвертая. Третья сторона Севастополя. (I II III IV V VI) Глава пятая. Перед штурмом. (I II III IV) Глава шестая. Штурм. (I II III IV V VI VII VIII IX X XI XII XIII) Глава седьмая. Переправа на Северную. (I II III IV)

Эпилог

Глава первая. (I II III IV) Глава вторая. (I II III IV V) Глава третья. (I II III)

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Глава первая

ДВА ПРАЗДНИКА

I

Чудовищно быстро двигались жуткие всеразрушающие чугунные тучи над головой, - тучи из десятков тысяч снарядов... Раз за разом здесь и повсюду лопались бомбы, разрывая на мелкие куски человеческие тела... Те же упругие, упрямые, упрянтанные в траншеи тела вздымались вдруг высоко в воздух и, падая, разбивались о жестоко развороченную взрывами минных горнов скалистую землю бастиона... Миллионы пуль пели, как пчелы на огромном пчельнике, которых перестает уже отмечать ухо: они сплошь... Ревели осадные тринадцатидюймовые пушки и мортиры, переплавляя этим ревом все людские ощущения и мысли неузнаваемо и надолго: ведь люди и сами не знали о себе самих, что могут они вынести этот ад, но вот вынесли, однако ценою какого страшного напряжения нервов!..

И когда стало, наконец, тихо вдруг после одиннадцатидневной канонады, совсем тихо, настолько тихо, что можно уж стало считать выстрелы свои и чужие, пришли награды из Петербурга... Награды тем, кто остался в живых.

Эти награды, впрочем, отнюдь не касались подвигов, оказанных гарнизоном Севастополя в дни "страшного суда в большом виде". Они были просто очередными наградами, приуроченными, как ежегодно, к первому дню пасхи.

Начальник севастопольского гарнизона, барон Остен-Сакен, был награжден графским титулом - стал, наконец, "сиятельством"; его начальник штаба, князь Васильчиков, произведен был в генерал-майоры, так же как и Тотлебен, а вице-адмирал Нахимов - в полные адмиралы.

И менее всех понимал смысл полученной им пасхальной награды именно он, Нахимов. Он даже ворчал недовольно, обедая со своими адъютантами:

- Ну, вот-с, изволь теперь эполеты менять!.. А где их тут прикажете достать-с у нас, в Севастополе-то, адмиральские эполеты-с?

Эти новые эполеты на свой знаменитый сюртук он так и не пытался искать - продолжал ходить в старых, вице-адмиральных; но адъютанты убедили его все-таки в том, что, по случаю производства в адмиралы, ему необходимо выпустить соответствующий приказ по гарнизону, хотя бы из тех соображений, чтобы обрашались впредь к нему, именую "высокопревосходительством".

- Очень длинно-с! - отозвался на это Нахимов. "Высокопревосходительство" - длинно-с! Даже и для мирного времени, а не то что, как у нас тут... Потеря времени-с!.. Надо бы ввести как-нибудь покороче, полегче-с!.. Ну, что же делать, составьте приказ, я подпишу, напечатаем, разошлем... - обратился он к старшему из адъютантов.

Приказ составлялся, впрочем, не одним только старшим адъютантом: всем другим тоже хотелось вставить в него свое словечко; но когда он был принесен на подпись адмиралу, тот его не только решительно отверг, но даже как будто рассердился; по крайней мере усиленно зачмыхал носом и даже покраснел.

- Совсем не то-с!.. Совершенно не так-с! - отодвинул он от себя красивым почерком написанную бумагу. - Нужно и не о том и... и совсем иначе-с!.. Ну, где у вас тут матросы?..

И как ни казалась ему всякая вообще письменность трудным и противным делом, все-таки он уселся писать приказ сам.

Вот что у него вышло:

"Геройская защита Севастополя, в которой семья моряков принимает такое славное участие, была поводом к беспримерной милости монарха ко мне, как старшему в ней. Высочайшим приказом от 27 минувшего марта я произведен в адмиралы. Завидная участь иметь под своим начальством подчиненных, украшающих начальника своими доблестями, выпала на меня.

Я надеюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры дозволят мне здесь выразить искренность моей признательности сознанием, что, геройски отстаивая драгоценный для государя и России Севастополь, они доставили мне милость незаслуженную.

Матросы! Мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного нам Севастополя и флота! Я с юных лет был постоянно свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию; мы сдружились давно; я горжусь вами с детства!

Отстоим Севастополь, и, если богу и императору будет угодно, вы доставите мне случай носить мой флаг на грот-брам-стенгье с тою же честью, с какою я носил его, благодаря вам, и под другими клотиками. Вы оправдаете доверие и

заботы о нас государя и генерал-адмирала и убедите врагов православия, что на бастионах Севастополя мы не забыли морского дела, а только укрепили одушевление и дисциплину, всегда украшавшие черноморских моряков".

Флаг полного адмирала был в те времена белый с андреевским крестом. Поднимался он на вершине главной мачты корабля грот-брам-стеннге под клотиком - деревянным кружком, в который вделываются шкивы для подъема и опускания тросами флагов и фонарей.

В приказе, обращенном к героям-морякам севастопольского гарнизона, Павел Степанович решил пометать о временах лучших, когда, быть может, он, адмирал с огромными боевыми заслугами, будет водить по освобожденному русскому Черному морю возобновленный, возрожденный, могучий флот, способный отбить любое нападение врагов.

II

Нахимов не любил и не умел писать, и слог его был коряв, однако же несколько взволнованно теплых, от сердца идущих фраз, обращенных им к матросам, прозвучали по экипажам гораздо более торжественно-празднично, чем все колокола уцелевших к пасхе колоколен Севастополя.

Черноморские моряки от вице-адмирала до последнего матроса знали, что Нахимов и после Синопской победы уклонился от всяких чествований, говоря, что совсем не он виновник победы, а экипажи кораблей его эскадры. Теперь они видели также, что он не праздновал у себя и повышения в чине, как им лично "незаслуженную милость" царя.

И вот получилось как-то так, что кем-то брошенная мысль была единодушно подхвачена всеми: если действительно, как сказано в приказе, матросы и офицеры флота явились виновниками того, что совсем еще недавний вице-адмирал Нахимов произведен в адмиралы, то они, значит, и будут праздновать это как свою награду.

Конечно, в пасхальном списке награжденных, пришедшем из Петербурга в Севастополь, много было моряков офицеров, и много крестов и серебряных медалей "за храбрость" прислано было для матросов всех экипажей, и одно это могло уже быть вполне достаточной причиной желавшим праздновать, тем более что настали как нельзя более подходящие для этого ласковые, устойчиво теплые весенние дни, перестрелка же значительно ослабела. Но, как всегда бывает при наградах, достаточно нашлось обойденных или только считавших себя обойденными, - между тем праздновать хотелось всем без исключения, и Черноморский флот от мала до велика пустился праздновать производство Павла Степановича в адмиралы.

Этот праздник не был приурочен к какому-нибудь одному определенному дню. Он рассыпался, раскатился, подобно шарикам ртути, по апрельским дням, начиная с двенадцатого числа, когда сделался известен во всех экипажах приказ Нахимова.

Это был длительный праздник в честь адмирала, который ежедневно запросто появлялся на бастионах, чтобы делать то здесь, то там обычное матросское дело - самому наводить орудия.

- Какой это к черту адмирал! - фыркая, говорили о нем столичные фертики, флигель-адъютанты. - Это какой-то неумытый матрос, переодетый адмиралом!

Даже в Севастополе, в обществе тех, которые входили в свиту Меншикова, а

после его отставки присосались к Горчакову, находились люди в чинах, которым претила эта простота, эта простонародность Нахимова, проявлявшаяся во всей его манере говорить и держаться, несмотря на его неизменный сюртук с вице-адмиральскими эполетами.

Но матросы, как и офицеры флота, очень хорошо знали, чем был для них Нахимов.

Когда генерал Веллингтон, командовавший английской армией во время борьбы Европы с Наполеоном I, посетил однажды в весьма ненастный день свои передовые позиции, солдаты сравнивали его появление с появлением солнца, которое сразу и обсушило, и обогрело их, и наполнило их бодростью и силой; в этот день, к вечеру, разыгралось сражение и они победили.

Нахимов был подобным солнцем повседневно. Бывший поэт парусов на глазах у всех превратился в поэта бастионов. Он был совершенно бесстрашен под пулями и ядрами. Однажды на четвертом бастионе он увидел незнакомого для себя молодого офицера.

- Как ваша фамилия? - спросил Нахимов.
- Бульмеринг, ваше превосходительство, - ответил тот.
- Кратчайшую дорогу на редут Шварца знаете?
- Так точно, ваше превосходительство!
- Прекрасно-с! Проводите-ка меня туда.

Бульмеринг направился за линию батарей; Нахимов сделал было несколько шагов вслед за ним, но, оглядевшись, остановился и закричал:

- Позвольте-с, молодой человек! Почему же вы меня ведете не по стенке-с?
- По стенке придется идти совершенно открыто, между тем как...
- Да вы знаете ли, кого вы взяли-с вести? - чрезвычайно удивился Нахимов, выкатив голубые глаза.
- Никак нет, ваше превосходительство, я только что переведен в Севастополь.

- Это другое дело-с! Тогда позвольте вам представиться: я - Нахимов-с и по трущобам - не хожу-с! Извольте идти по стенке-с!

И пошел сам по линии батарей.

Этот случай и много других подобных были известны всем в Севастополе, и все знали, что для Нахимова было совершенно естественно ездить ли верхом, или ходить пешком по бастионам, не обращая ни малейшего внимания на смертельные опасности кругом, а спасительные траншеи и блиндажи называть "трущобами".

Он знал по фамилии матросов-комендоров на батареях - это были его особые любимцы, и, подходя к тому или иному из них, говорил он улыбаясь:

- А-а, жив-здоров? Ну, слава богу! Здравствуй, Сенько! (Или Ковальчук, или Грядко, или Катыев, или Редькин.)
- Здравия желаю, Павел Степаныч! - улыбаясь тоже, радостно гаркал матрос и в свою очередь осведомлялся: - Всё ли здорово?
- Ничего-ничего, братец, как видишь, - разводил руками Нахимов.
- Ну, дай боже, Павел Степаныч!

Не любил, когда новички-солдаты при его приближении, из почтения к его единственному в Севастополе генеральским эполетам, снимали фуражки. Махал на них и кричал:

- Надень, надень!.. Эка ведь пустяками какими головы набиты вздорами-с!

Теперь, после приказа от 12 апреля, все флотские офицеры и матросы на равных с ними правах считали неотъемлемо необходимым поздравлять Нахимова с наградой - производством в полные адмиралы; и только когда удавалось поздравить торжественно и от сердца, приступали к празднеству - в блиндажах ли, или на городских квартирах.

Пили при этом свержчеловечески, но пили за Севастополь, за Черноморский флот, за моряков на всех бастионах и за Павла Степановича Нахимова, "отца матросов".

III

Апрель был уже в полной красоте. Екатерининская улица со своими пышно развернувшимися большими деревьями - каштанами и белой акацией - казалась аллеей для гуляний, и на ней действительно прогуливались по вечерам, а на бульваре Казарского снова, аккуратно с шести часов, начала греметь полковая музыка, как это было до бомбардировки.

Нахимову однажды вздумалось проехаться на Малахов именно в такой вечерне-отдыхающий час. Из шести своих флаг-офицеров он взял с собою только одного - лейтенанта Колтовского; переправился через Южную бухту по второму мосту, устроенному на бочках, про запас, и его же заботами.

Проезжая по Корабельной, он пустил своего серого шагом, чтобы получше рассмотреть, какие здесь произошли изменения за последний день, и Колтовской - сын вице-адмирала Балтийского флота, из товарищей Нахимова еще по первым годам его службы, - заметив его пристальные и зоркие взгляды влево и вправо, счел нужным отозваться на это весело:

- Все-таки как им ни накладывают в макушку, довольно еще осталось здесь совсем почти целых домишек!

- Ага! Вот-с... Именно-с!.. Не всякая пуля в лоб и не всякое ядро в дом-с, - качнул головой Нахимов, а Колтовской продолжал:

- Так что если бы вдруг завтра каким-нибудь чудом вышел конец осаде, то через месяц, не больше, починилась бы в лучшем виде Корабелка и зашумела бы не хуже прежнего!

- Она и теперь что-то очень шумит, - заметил Нахимов. - По убитому, что ли, вон там впереди толпа.

Колтовской присмотрелся и сказал тоном адъютанта, избалованного неизменным добродушием своего начальника:

- Есть толпа впереди, точно, Павел Степаныч, только, кажется, там отхватывают трепака в кругу, чего перед убитыми пока еще не позволено делать, хотя все уж мы порядочно одичали.

Он улыбался - молодой, самоуверенный, несколько излишне горбоносый, что, впрочем, придавало решительность и законченность его слегка расплывчатому лицу, - а Нахимов спрашивал недоуменно:

- С какой же такой радости они расплясались вдруг, а?.. Смотрите-ка, ведь в самом деле, кажется, пляшут-с!

Но в толпе заметили адмирала, плясуны стали "смирно". Плясуны были матросы, и в кругу около них - матросы, матросские жены, ребятишки. А когда поровнялся Нахимов с толпой, из нее вышла навстречу ему матросская сирота Даша - первозванная сестра милосердия, хотя и без золотого креста на голубой

ленте, зато с серебряной медалью на аннинской, - поклонилась поясным поклоном и проговорила певуче:

- Ваше превосходительство, Павел Степаныч! Сговор у меня сегодня... Будьте такие ласковые, зайдите, не откажите хлеба-соли отпробовать!

- Сговор?

Нахимов вопросительно посмотрел на Колтовского: бывает так, что выпадает иногда из памяти слово, редко звучащее в жизни.

- Помолвка, так кажется, - подсказал Колтовской.

- А-а! Вот что-с! Замуж выходишь? - понял, наконец, Нахимов. - За кого? За матроса? Не разрешу-с!

- Только еще сговор пока, а уж замуж, как война кончится, - бойко ответила Даша. - Еще как обойдется, а то и жениха исхарчить может, да и меня тоже, - не страхованная.

- Это так... А с кем же у тебя сговор? С Кошкой? - заметил в толпе этого лихого матроса Нахимов.

Дружно засмеялись в ответ на это все, а громче всех сам Кошка, который был багрово-красен, так как порядочно успел уже выпить, но держался на ногах прочно.

- Ну, с Кошкой мне куда уж справиться, Павел Степаныч! - живо подхватила Даша. - Это только ведь говорится: "Жена да боится своего мужа", а думается: "Як він ее подужа!.." А уж на этого Кошку хо-ро-шую цепную собаку надо, - мне-то куда уж!

И опять все захохотали кругом, даже и ребятишки, а Даша проворно вытаскала из толпы молодого еще матроса смиренного вида и представила:

- Вот он - мой жених! Тридцать пятого экипажа Подгрушный Лукьян.

- А-а! Ничего-с! Неплохо-с... Малый статный, собой красивый... Совет да любовь, - так, кажется, сказать надо-с?.. А вон кстати-с и французы вам на сговор букетик прислали-с! - кивнул Нахимов на белый дымок разорвавшейся в это время вверху, шагах в пятнадцати от них, гранаты.

Далеко не все оглянулись на "букетик", присланный французами; большинство даже и не повело голов: эти букетики можно было видеть все-таки гораздо чаще, чем Павла Степановича Нахимова, тем более что теперь всех занимало только одно: зайдет ли их адмирал в хату, где праздновался сговор.

И все лица расцвели довольными улыбками, когда Нахимов прыгнул с серого и по привычке одернул задравшиеся кверху штанины брюк. Колтовской смотрел на него вопросительно, высвободив из стремени правую ногу, - нужно ли слезать также и ему; Нахимов утвердительно шевельнул бровями.

И вот "отец матросов" стоял уже в хате, в тесном кругу матросов и матросок с Корабелки; на столе, наскоро прибранном, красовалось все, что могло найтись как закуска под водку: и сушеная тарань, и жареные бычки, и ставридка, мелкая рыбешка, ловившаяся удочками в бухте, и даже греческое блюдо - ракушка мидия с рисом; но больше всего было веселого зеленого луку, на который особенно щедро бывает огородная земля в апреле. Густо пахло зеленым луком и от Даши, и от ее жениха, и от прочих.

- Присядьте, ваше превосходительство!.. Садитесь, будьте ласковые, Павел Степаныч!.. Уважьте сиротку нашу!.. - обращались к Нахимову со всех сторон с ненадуманноими словами больше матроски, чем матросы, суетливо расширяя для

него за столом самое лучшее, по их мнению, место.

- Ну что же, сядем-с, посидим минутку-с, - за себя и за своего флаг-офицера решил благодушно Нахимов. - А если найдется у вас холодная вода с чуть-чутькой вина красного, - показал он на кончике своего мизинца, - то я и выпью-с!

- Вина! Красного! - засуетились все около, и общая настала растерянность: не было красного вина, - была только бутылка вишневой наливки, припасенная для слабого пола.

Делать было нечего: так вот сразу взять и достать красного вина поблизости было негде; подкрасили вишневкой стакан воды, Даша сама, как виновница торжества, преподнесла его Нахимову, и все с разных сторон потянулись шумно чокаться с ним, отчасти чтобы скрыть суматохой кое-какой конфуз.

Колтовской, приметив, из какой бутылки доливали стакан с водой, наблюдал с улыбкой, как отнесется его адмирал к подделке, но Нахимов сделал вид, что напиток получился как раз по его вкусу и желанию.

Он сидел за столом в этой очень тесной, насквозь пропахнувшей зеленым луком и другими густыми и стойкими запахами хатенке, благодушно веселый. Участиливо вглядываясь в голубые глаза Даши своими, тоже голубыми, слегка прищуренными глазами, внимательно выслушал ее рассказ, как послушно вел себя ее жених на первом перевязочном пункте, когда попал туда, раненный пулей в мягкую часть левой руки около плеча, и какая здоровая оказалась у него кровь: у очень многих раненых, даже если и совсем царапина, а не рана, даже если просто пиявку приставили к сильному ушибу, то и в укушенном пиявкой месте начинается почему-то рожа, - а это очень скверная штука! - у него же и следа не было рожи, - вот какая кровь!

Матрос Лукьян Подгрушный, с мягкими еще, но густыми темными усами, кареглазый, плечистый, дюжий детина, глядел и на свою невесту и на адмирала с большим белым крестом на шее одинаково озабоченно: видно было, что он все-таки ждет с некоторым страхом, что вот-вот его бойкая Даша скажет что-нибудь не то и не так и раздосадует командира порта.

Однако Нахимов остался неизменно благодушен до конца, когда уже начало заметно смеркаться. Он даже поковырял вилкой в икре особенно большого бычка, когда начали усиленно упрашивать его что-нибудь откусывать, хотя и говорил он направо и налево, что он только недавно пообедал.

О том, что раненые после ампутации плохо выздоравливают, а многие из них погибают вследствие рожи, он знал, конечно, так как часто бывал и на перевязочных пунктах и в госпитале на Северной. Совсем недавно, например, умер от такой же точно раны в руку, какая была у жениха Даши, полковник Лушков, только что назначенный, всего, может быть, за неделю перед ранением, командиром Волынского полка на место генерал-майора Хрущова. Знал он и то, что под влиянием большого числа неудачных исходов своих операций академик Пирогов становился все мрачнее и мрачнее, наконец заболел сам и слег и лечит себя черникой.

Поэтому выбор Даши он, заматерелый холостяк и даже, по мнению флотских дам, яростный противник брака, одобрял про себя и вслух, говоря ей:

- Жених хорош!.. Жених по невесте, вполне-с!.. Вот отстоим Севастополь, сыграем тогда свадьбу-с... Приглашай тогда и меня... В шафера, правда, я уж не

гожусь, - устарел, в посаженные отцы не вышел, надо женатого, а вот свадебным генералом я быть могу-с!.. Могу ведь, а? обратился он через стол к Кошке, который сидел против него и не сводил с него восторженных хмельных глаз.

Когда кивнул ему Нахимов, он тут же вскочил, руки прижал ко швам и выкрикнул с чувством:

- Ваше превосходительство!

Вспомнил приказ о производстве в адмиралы и смешался:

- Виноват! Ваше высокопревосходительство! - но тут же оправился, увидев улыбку Нахимова: - Павел Степаныч!.. Я еще в надежде даже, что, как если разрешите, и на вашей свадьбе казачка спляшу в лучшем виде!.. Поразогнала, конечно, бандировка всех невестов, ну, да Севастополь отстоим - они вернутся, а уже лучше вас жениха им не найти в жизнь!

- Ка-кой комплиментчик! - сложив руки, засмеялся Нахимов. - Это уж называется: благодарю-с, не ожидал-с!

Беловолосая девочка лет четырех, которую мать-матроска держала на руках, а потом опустила на пол, сказав устало: "Ну тебя совсем, какая тяжеленная телушка!" - проворно протиснулась между ног толпы прямо к этому важному генералу в золотых эполетах и ушла в него глазами, задрав голову и открыв рот.

- Ишь ты ведь, какая любопытная! - заметил ее Нахимов, поднял и посадил к себе на колени.

- Как тебя зовут? - вздумал спросить девочку Колтовской, но она только чуть покосилась на него, а ответила этому старику в красивых эполетах и с белым крестом на шее:

- Катька!

Голос у нее оказался басовитый.

- Сиротка, - сказала о ней Даша, - отца еще в январе убили.

- А кто отец был? - спросил Нахимов.

- Селиванкин фамилия... На втором бастионе смерть получил...

- Селиванкин?.. Помню Селиванкина.

Нахимов старательно пригладил белые Катькины вихры и сказал ей вдруг приторно строго:

- Уезжать отсюда надо-с! Где мать, покажи-ка!

Девочка пошарила по толпе глазами и протянула пальчик:

- Во-он мамка!

Женщина в белесом платочке, с худым, скуластым, успевшим уже загореть, не то обветриться лицом, выступила вперед из толпы.

- Уезжать надо с Катькой, а то, ну-ка, не убережешь ее тут, обратился к ней Нахимов.

- Одна, что ль, у меня Катька? - отозвалась матроска. - Окромя ее, двое еще есть.

- Вот видишь ты! Трое, а ты их как бережешь? Скажешь, денег нет на отъезд, - приходи ко мне в штаб, там тебе выдадут пособие.

- Спасибо вам, Павел Степаныч, - низко поклонилась матроска, но Нахимов сказал, приглядевшись!

- Не вздумай только потом здесь остаться, взыщу-с!

- А может, замирение выйдет, ваше высокопревосходительство? - робея